

На самом верху лежали засахаренные яблоки, сочные и прозрачные, с золотистой кожицей; под ними расположились двухцветные пирожные из корня лотоса, мягкие и миниатюрные; а на самом дне стояла миска сладкого молочного пудинга. В детстве Лу Сяо не любил есть, да и тяжело болел, потому Лу Сюэхань часто угощал его такими сладостями, что и породило его непреодолимую тягу к сладкому.

Нин Хуай, уткнувшись в старую книгу, едва не погрузил в нее всю голову. Лу Сяо взял одно из засахаренных яблок, покрытых сахарной пудрой, кисло-сладкое на вкус, и, не задумываясь, сунул одно в рот Нин Хуаю, вызвав у того бурю восторженных возгласов.

Позже Нин Хуай через слугу передал письмо и остался ночевать в маленьком доме Лу. Семнадцатилетний юноша, как и положено, быстро поддался сну. Нин Хуай потерял глаза и вскоре погрузился в сновидения.

Ночь была тихой, как вода. Лу Сяо тихо прикрыл деревянную дверь, мелькнув в своем алом одеянии, и, слегка подпрыгнув, взобрался на крышу, покрытую черепицей. Черепица была твердой, и Лу Сяо, положив голову на свою бледную и худую ладонь, другой рукой медленно поглаживал замок долголетия, спрятанный у него на груди.

Его черные глаза устремились в темное ночное небо, и тут же вспомнились небрежные слова Нин Хуая, сказанные днем.

— А Сяо, старший брат Лу так хорошо к тебе относится. Если бы мой брат был хоть немного похож на него.

...Нин Хуай и не подозревал, что он — родной сын Нин Гоуна, младший брат наследника Нин Ду. А Лу Сяо не имел никакого отношения к Лу Сюэханю.

В детстве Лу Сяо называл его «старший брат Лу», но со временем отбросил «Лу», а позже вообще перестал называть братом. Познакомившись с Нин Хуаем, тот снова стал называть его «старший брат Лу». В сердце Лу Сяо поселилось странное чувство, и в последние годы он даже перестал называть его братом. Иногда он позволял себе называть Лу Сюэханя по имени, но тот не обращал на это внимания, по-прежнему ласково называя его Сяо.

Лу Сяо достал из рукава оставшиеся двухцветные пирожные, которые уже немного затвердели. Положив одно в рот, он почувствовал, что внутри они все еще мягкие.

Нельзя сказать, что между ними совсем не было связи. По крайней мере, имя «Лу Сяо» было дано ему Лу Сюэханем.

Нин Хуай, как представитель знатного рода, с детства был приучен няньками не спать слишком долго, и, как обычно, встал рано. Открыв слегка прикрытую дверь, он увидел, как солнечные лучи рассыпались по двору. Осень становилась холоднее, и Нин Хуай, подтянув рукава, направился к комнате Лу Сяо.

— Молодой господин Нин, — холодный голос неожиданно раздался за его спиной.

Нин Хуай, встретившись взглядом с Лу Сюэханем, почувствовал необъяснимый страх. Хотя тот был таким же, как и он, — беззащитным ученым, от него исходила пугающая аура. Нин Хуай смотрел немного растерянно:

— Старший брат Лу, доброе утро.

Лу Сюэхань был одет в белое, с темно-синим поясом на талии. Его фигура была стройной, а лицо оставалось спокойным, будто перед ним разверзлась земля. Он слегка кивнул:

— Сяо любит поспать, извините за него. В выходные пусть отдохнет подольше.

Нин Хуай беззаботно улыбнулся и тихо ответил:

— Хорошо.

— О чем это вы тут разговариваете ранним утром?

Лу Сяо, любитель поспать, стоял в дверном проеме, на этот раз не в своем привычном красном наряде, а в свободной белой одежде. Прошлой ночью, когда все вокруг было тихо, Лу Сяо, не находя покоя, лежал на крыше, уставившись на луну, и лишь перед рассветом ненадолго прилег.

В глазах Лу Сюэханя мелькнула редкая улыбка, и Лу Сяо, застыв, смущенно промолвил:

— Неужели я не могу разок встать пораньше?

Лу Сяо быстро рос, превращаясь в стройного юношу, но все же был немного ниже Лу Сюэханя. Сейчас, стоя в дверях, он казался еще меньше. Лу Сюэхань, не теряя улыбки, ласково погладил его по голове, словно успокаивая ребенка. Лу Сяо замер, а Лу Сюэхань уже направился во двор, оставив лишь холодное напоминание:

— Сяо, у тебя под глазами синяки.

Нин Хуай, стоя рядом, подшучивал:

— А Сяо, ты что, вчера воровал? У кого это ты украл платок?

Лу Сяо, очнувшись, на мгновение задумался, а затем схватил Нин Хуая за щеки и потянул.

— Больно-больно! А Сяо, я больше не буду!

Лу Сяо холодно усмехнулся:

— Ну ты даешь. Лу Сюэхань смеется надо мной, а ты тут причем?

Глаза молодого господина Нин наполнились слезами, и он, понимая, что лучше не спорить, энергично закивал.

Сегодня у Лу Сяо был выходной, но он все же встал рано. Подумав, он решил не тратить время зря и, хлопнув по столу, предложил:

— Пойдем, прогуляемся по улице.

Дом Лу находился в самом конце Чанъаньской улицы, и единственное его преимущество — это тишина. И только Лу Сюэхань любил эту тишину, а Лу Сяо и Нин Хуай всегда стремились к шуму.

Лу Сяо купил много сладостей, и каждый раз, когда продавцы спрашивали, любит ли он сладкое, он, не задумываясь, указывал на Нин Хуая и с улыбкой отвечал:

— Нет, мой младший брат обожает сладкое. Дети ведь становятся счастливее, когда едят сладости.

Нин Хуай, сдерживая недовольство, улыбался:

— Да, у нас с братом прекрасные отношения.

Пройдя немного дальше, Лу Сяо остановил взгляд на нефритовой подвеске. Это был не самый дорогой нефрит, но резьба была искусной. Продавец, заметив его интерес, тут же подошел:

— Молодой господин, вы, наверное, хотите подарить это своей возлюбленной? Если вам действительно нравится, то я уступлю за эту цену.

Он улыбался, пытаясь угадать желание покупателя.

— Это не для возлюбленной, а для человека, который мне очень важен, — с улыбкой ответил Лу Сяо, небрежно доставая деньги из рукава и тихо добавив:

— Ему подойдет.

— Господин Лу, какие у вас интересы, но разве молодой господин Нин оценит такую безделицу?

Голос принадлежал человеку с относительно приятными чертами лица, но с темными кругами под глазами, которые были еще заметнее, чем у Лу Сяо, не спавшего всю ночь. Он выглядел изможденным, будто его тело давно истощилось. Однако внешняя бравада не исчезла: он был накрашен, носил золото и драгоценности, а за ним следовали два сгорбленных слуги. Лу Сяо присмотрелся — это был сын министра ритуалов.

Прежде чем он успел ответить, Нин Хуай возмутился:

— Лю Синьюань, что ты несешь?

Тот, похожий на призрака, усмехнулся и язвительно произнес:

— Все в столице знают, что господин Лу пристроился к Нин Гоуну. Жаль только, что Нин Гоун больше не принимает новых учеников. Разве что господин Лу мог бы стать зятем в доме Нин.

У жены Нин Гоуна было два сына: старший, Нин Ду, уже унаследовал титул наследника, а младший, Нин Хуай, стоял прямо здесь. Остальные наложницы либо не имели детей, либо родили дочерей, которые уже вышли замуж.

Лю Синьюань, как всегда, говорил глупости, видя везде только грязь. Лу Сяо даже не стал возражать, вспомнив вчерашний красивый образ. Даже если тот и неправильно понял его отношения с Нин Хуаем, Лу Сяо не мог на него злиться. Он тихо усмехнулся, думая: «Грешен, грешен, почему я не могу злиться на красивых людей?»

Лю Синьюань широко раскрыл глаза: «Неужели этот Лу совсем спятил, раз может смеяться?»

— Не смей врать! А Сяо — мой лучший друг, а не то, что ты говоришь!

Нин Хуай покраснел. Он всегда был плох в спорах, да и, избалованный отцом и братом, редко сталкивался с такими людьми.

— О? Молодой господин Нин...

Лу Сяо с улыбкой прервал его:

— Лю Синьюань, почему бы тебе не сказать это самому Нин Гоуну и наследнику?

— Лу Сяо, ты хочешь прикрыться Нин Ду? Что он из себя представляет...

Лицо Лю Синьюаня покраснело, вероятно, от того, что Лу Сяо попал в точку. В гневе он хотел продолжить, но слуги остановили его.

Лу Сяо серьезно сказал:

— Лю Синьюань, когда законы нашей страны позволяли тебе называть наследника по имени? Если вы с наследником знакомы, то в личной беседе следует использовать его второе имя. Какой же это порядок?

Лу Сяо, словно что-то вспомнив, смягчился и добавил:

— Может, лучше обратиться к господину Ци и пусть он решит, кто прав, а кто виноват?

<http://bllate.org/book/15439/1369286>